

Воспоминания молодости
По морю житейскому 1843-1869

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
В77

В77 Воспоминания молодости: По морю житейскому 1843-1869 / – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 420 с.

ISBN 978-5-519-73747-0

ISBN 978-5-519-73747-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	VII
I. Полвѣка назадъ	1
II. Старая Одесса	13
III. Новороссійскія степи	26
IV. Первая Одесская гимназія	38
V. Бомбардировка Одессы	51
VI. Одесса въ Крымскую войну	63
VII. Горный институтъ	78
VIII. Петербургъ въ 50-ые годы	92
IX. Откупщики.—Демонстраціи.—Театры	106
X. Полиція.—Пожаръ толкучки.—Военная академія.— Пулково	121
XI. Польское возстаніе.—Окончаніе курса	133
XII. Первые литературные шаги	142
XIII. Поѣздка въ Одессу	156
XIV. Опредѣленіе на службу	168
XV. Петербургъ въ началѣ 60-хъ годовъ	178
XVI. Исслѣдованія на Сѣверѣ Россіи	191
XVII. Поѣздка на Замосковные заводы	206
XVIII. Поѣздка на Уралъ	218
XIX. Олонецкіе заводы.—Горное управленіе.—Новгородъ	230
XX. Петербургскія вѣянія.—Поѣздка на Уралъ и Югъ Россіи	242
XXI. Концессіонеры.—Картофельный клубъ	257
XXII. Поѣздка въ Одессу.—Первое путешествіе за границу	270
XXIII. Пересмотръ таможеннаго тарифа.—Общество для содѣйствія	285

	СТРАН.
XXIV. Художественный клубъ.—Новая поѣздка на Уралъ	301
XXV. Оренбургъ	314
XXVI. По Новой линіи	322
XXVII. Черезъ Кавказъ	335
XXVIII. Кутансъ	343
XXIX. Въ Одессѣ	357
XXX. Архипелагъ и Портъ-Саидъ	366
XXXI. На открытіи Суэцкаго канала	380
XXXII. Въ Каирѣ и обратный путь	398

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ томѣ собраны мои воспоминанія, касающіеся дѣтства и молодости до 1869 г. включительно. Большая часть моихъ путешествій послѣ 1870 г. (а путешествія играли большую роль во всей моей жизни) были описаны въ свое время въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Новомъ Времени» и вышли отдѣльными изданіями, мнѣ оставалось бы дополнить только пробѣлы, касающіеся моей служебной и общественной дѣятельности. Это могло бы составить еще два или три тома; но я едва ли доживу до возможности писать вполне откровенно о послѣдней эпохѣ моей дѣятельности, столько еще остается живыхъ современниковъ.

А между тѣмъ тутъ-то и писать воспоминанія. Вѣрно было замѣчено кѣмъ-то, что человѣкъ живетъ въ первой части своей дѣятельности съ мертвыми (особенно если онъ получаетъ классическое воспитаніе, коего я, къ счастью или къ несчастью, не удостоился), во второй возвращается въ обществѣ живыхъ, а послѣднюю часть жизни проводитъ невольно въ своемъ собственномъ сообществѣ. Тутъ естественно ему приходится болѣе всего вспоминать о временахъ минувшихъ.

Я не писалъ ни записокъ, ни велъ дневника, — я только набросалъ для газеты рядъ бѣглыхъ воспоминаній. Понятно, при спѣшности газетной работы и отдаленности описаннаго періода, память могла мнѣ измѣнять иногда. Но это касается фактовъ, за каждое исправленіе и восстановле-

ніе таковыхъ я могъ быть только признателенъ и сдѣлалъ соотвѣтствующія исправленія въ предлагаемомъ отдѣльномъ изданіи моихъ воспоминаній.

Но подобныхъ поправокъ въ книгѣ слишкомъ въ четыреста страницъ пришлось сдѣлать немного, пять или шесть. Между тѣмъ я получилъ не мало писемъ, частыя въ свое время напечатанныхъ, отъ разныхъ родственниковъ которые пытались отнять у меня право дѣлать оцѣнки нашимъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ на томъ де основаніи, что у послѣднихъ могутъ оказываться въ живыхъ родственники: дѣти и внуки.

Но при такомъ взглядѣ никакая исторія была бы невозможна и состояла бы лишь изъ отзывовъ о людяхъ, умершихъ бездѣтными. Нелѣпость означенной претензіи опровергается даже цензурными и уголовными уставами, которые и умершихъ государей разрѣшаютъ критиковать уже въ очень близкихъ степеняхъ родства. Поэтому я не считалъ нужнымъ дѣлать какія либо измѣненія, мѣстами только оговорилъ сдѣланныя замѣчанія.

Воспоминанія мои покажутся читателямъ нѣсколько сжатыми, но это отчасти было сдѣлано, чтобы не слишкомъ много занимать ихъ своею особою. Все мною видѣнное, слышанное и пережитое не умѣстилось бы и въ десяти томовъ. Во-вторыхъ, сжатость зависѣла отъ того, что первоначально мои воспоминанія появлялись въ газетѣ, гдѣ объемъ фельетона строго ограниченъ, да и число дней, предоставляемыхъ каждому фельетонисту, также.

И пополнить, впрочемъ, гдѣ могъ печатанныя ранѣе воспоминанія и развить нѣкоторые мѣста.

Интимныхъ подробностей моей жизни я почти не касался, потому повѣствованіе покажется можетъ быть сухимъ, но я старался быть правдивымъ, хотя общераспространено мнѣніе, что всѣ воспоминанія пишутся непременно pro domo sua — для оправданія ихъ авторовъ или чтобы порисоваться передъ потомствомъ и возложить на людей и общество отвѣтственность за собственные ошибки и заблужденія.

ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

I.

Я могу сказать, какъ Жюль Леметръ: «J'arrive à l'âge ou l'on a infiniment plus des souvenirs que d'espoirs». Къ сожалѣнію, я не вѣдь своихъ записокъ, но обстоятельства жизни сохраняются живо въ моей памяти, да и возстановить ихъ не трудно, потому что архивъ мой держится въ порядкѣ и легко можетъ когда либо послужить матеріаломъ для мемуаровъ. А спѣшить надо; годы послѣ сорока лѣтъ имѣють, по вѣрному замѣчанію одного философа, только шесть мѣсяцевъ, а послѣ шестидесяти—шесть недѣль.

Dire du mal de ses contemporains въ извѣстномъ возрастѣ составляетъ вѣдь одно изъ немногихъ удовольствій. Я не дошелъ еще до этого состоянія, поэтому предлагаемые отрывки изъ моихъ воспоминаній не будутъ проникнуты пессимизмомъ.

Прежде однако чѣмъ печатать свои воспоминанія, я припомнилъ, какова была въ общихъ чертахъ жизнь въ годы моего дѣтства, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она представляется теперь. Пятьдесятъ и пятьдесятъ пять лѣтъ не Богъ вѣсть какой періодъ, а надобно сказать, что бытовая сторона жизни очень много измѣнилась въ Россіи за это время. Къ этому мнѣ придется еще возвращаться нѣсколько разъ въ своихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ я засталъ и крѣпостное право, и военныя поселенія, и калитниковъ, и дранье сквозъ строй.

Различіе жизни было уже въ устройствѣ домовъ и квартиръ. Номеровъ на домахъ не было, но писались имена и отчества вла-

дѣльцевъ съ чинами; много было домовъ на имя женъ, особенно если владѣли чиновники, занимавшіе «интересныя» мѣста. Такъ какъ дома строились болѣе для залога по откупамъ, то строились неважно, русскіе архитекторы были плохи, есуды по постройкѣ давали приказы общественнаго призрѣнія. Водопроводовъ не было ни въ столицахъ, ни въ провинціи. Въ Петербургъ воду привозили въ бочкахъ въ ручную дворники, беря ее подчасъ изъ Фонтанки и изъ каналовъ. Въ Одессѣ воду, слегка солонцоватую, привозили на лошадахъ изъ колодцевъ особые водовозы, а затѣмъ во многихъ домахъ собирали въ цистерны стекавшую съ крышъ дождевую воду. Эту же воду собирали въ «перерѣзахъ» (полубочкахъ) для стирки бѣлья прямо изъ сточныхъ трубъ.

За неимѣніемъ водопроводовъ не было, конечно, ватеръ-клозетовъ; мало того, даже въ губернскихъ городахъ не было особыхъ *water retiro*. Въ Полтавѣ еще въ 1863 г. я былъ свидѣтелемъ, какъ въ трехэтажномъ домѣ мой знакомый, управлявшій губерскими акцизными сборами, нанмая квартиру, спросилъ: «Гдѣ же необходимыя мѣста?»

— Помилуйте, какъ бы стыдѣсь говорить домохозяинъ, что это ны такое говорите... Да вотъ тутъ, если угодно... на трапѣзѣ... Въ Кутансѣ въ 1869 г. я прожилъ лѣто въ центрѣ города въ такомъ же точно положеніи.

Если мало заботились о своемъ comfortѣ, то еще менѣе заботились объ удобствахъ прислуги. Въ нашемъ домѣ въ Одессѣ, довольно просторномъ, буквально не было ни одной комнаты, специально назначенной для прислуги. Какъ она спала, насть, дѣтей и не интересовало, ибо мы ложились спать ранѣе. Очевидно, помѣщался каждый тамъ, гдѣ работалъ: кучеръ на конюшнѣ, кухарка на кухнѣ, горничныя и прачка въ прачечной, няньки съ дѣтьми, лакеи въ коридорахъ,—гдѣ попало. Не болѣе того стѣснялись съ гувернантками, учителями. У нихъ не было своего угла и они спали съ дѣтьми, въ библіотекахъ и т. п. Когда моя старая нянька Оксана умирала въ 1848 г. отъ холеры, ее положили на диванъ въ столовой, гдѣ мы спокойно обѣдали. Что сказали бы современные гигиенисты! О гигиенѣ и тогда впрочемъ уже слыхали, читая «Макробіотику» Гуффеланда.

При этомъ, вслѣдствіе плохого состоянія гостиницъ даже въ Петербургѣ, въ домахъ постоянно были временные гости, пріѣзжавшіе изъ провинціи родственники и знакомые, жившіе по мѣсяцамъ. Имъ дѣлали на полу и диванахъ постели, для чего въ каждомъ домѣ имѣлся большой запасъ подушекъ и постельнаго бѣлья.

Электрическихъ звонковъ не было, звонили, дергая за проволоку, а въ комнатахъ звонили въ ручные звонки. Изобиліе прилуги, разныхъ пріемышей, казачковъ и босоногихъ дѣвчонокъ сокращало потребность въ звонкахъ.

Другою несущестующей теперь потребностью была необходимость имѣть помѣщеніе для провизіи, для угля и сѣна. Тогда только въ столицахъ, и то далеко не вполнѣ, можно было достать это угодно за деньги во всякое время. Въ провинціи, даже въ Одессѣ, приходилось припасать все на цѣлую зиму. Въ подвалахъ сажались въ песокъ овощи, затѣмъ заготавливались дома варенья, пастилы, соленья и т. п. Моменты, когда варились варенья, желе и т. п. были поистинѣ райскими для насъ, дѣтей. Мы цѣлый день вертѣлись въ кухнѣ около чистящихся фруктовъ и у кипящихъ мѣдныхъ тазовъ, обжигая себѣ подчасъ языки, желая полакомиться еще неостывшимъ вареньемъ. Для всѣхъ подобныхъ операций требовались помѣщенія. Даже въ большихъ городахъ держали дома коровъ, козловъ, птицу и множество собакъ.

Въ ѣдѣ и питьѣ большой разницы я не помню, хотя, конечно, цѣны провизіи были тогда совсѣмъ другія. Правда, считали еще на ассигнаціонные «старые» рубли, хотя кредитки были въ ходу еще съ 1843 г. Въ Одессѣ, напримѣръ, 1-й сортъ говядины стоилъ 4 коп. за фунтъ. Зато сахаръ стоилъ гораздо дороже нынѣшняго и всѣ хозяйки, гдѣ не было особыхъ экономокъ, запирали его тщательно на ключъ. Чай стоилъ вдвое дороже нынѣшняго. Коньякъ мало былъ тогда въ ходу, пили ромъ—«настоялку на клопакъ», какъ называли его по запаху. Обѣдали въ Петербургѣ въ 4 часа, въ провинціи въ 2 часа; въ деревнѣ ужинъ былъ тотъ же второй обѣдъ и начинался непременно со щей или супа.

Искусственныя минеральныя воды были давно извѣстны, но ихъ пили больные. Только послѣ Крымской войны вошло въ употребленіе питье во всякіе часы и за трапезами сельтерской и др.

минеральных водъ. Зато квасы и другіе домашніе напитки и наливки были лучше винныхъ.

Хорошіе повара изъ крѣпостныхъ воспитывались въ столичныхъ ресторанахъ. Повара были большіе пьяницы, какъ и вообще мужская прислуга, но ихъ дѣлили. Изъ крѣпостныхъ такимъ же образомъ воспитывали и другихъ специалистовъ. Идеаль каждаго помѣщика былъ тогда имѣть все у себя, поэтому были и крѣпостные переплетчики, и настройщики, и фельдшера.

Лечились тогда иначе, чѣмъ теперь. Какая бы болѣзнь у васъ ни была, прежде всего полагалось рвотное, затѣмъ строжайшая діета. Разные настои и сушеная малина и др. играли значительную роль, а весной «чистили кровь» чаемъ изъ разныхъ травъ. Кровоопусканіе, пиявки и банки также были въ большомъ ходу. Въ каждомъ домѣ была непремѣнно стеклянная банка съ пиявками. На югѣ бани мало были въ ходу, но на сѣверѣ и въ Петербургѣ не быть хотя разъ въ недѣлю въ банѣ считалось преступленіемъ. Тутъ была своего рода виртуозность. Я видѣлъ разъ купца, котораго растирали мочалкою съ пескомъ, а на полоть поддавали въ это время кислыми щами!

Готовыя папирсы, изобрѣтенныя въ Петербургѣ Спиглазовымъ, не были извѣстны въ провинціи, въ Одессѣ курили восточныя «пахитосы» дамы; мужчины дома курили трубку, а внѣ дома сигареты, которыя искусно свертывали руками и склеивали слюною; табакъ продавался въ бумажныхъ сѣрыхъ картузахъ, акцизъ съ него былъ ничтожный, хранился табакъ въ разнообразныхъ кисетахъ. Дамы вышивали эти кисеты шелкомъ и бисеромъ, какъ равно чехлы для чубуковъ.

Коллекціи трубокъ съ дорогими янтарными мундштуками и бодѣ или менѣе длинными чубуками составляли одно изъ главныхъ украшеній кабинетовъ въ помѣщичьихъ домахъ. Чубуки служили не только для куренія, но ими «учили» прислугу, а иногда и женъ. Множество людей, особенно пожилыхъ, нюхали табакъ—«для очищенія зрѣнія».

Спички, составлявшія монополію казны, были скверны и дороги. Для куренія ихъ замѣняли трутомъ, вытѣсывая на кремнѣ желѣзнымъ кресаломъ искры, что дѣлалось очень ловко.

Освѣщеніе было довольно элементарное. Даже въ Петербургѣ газъ былъ на Невскомъ, Морской и набережной, остальные улицы освѣщались смѣсью спирта со скипидаромъ. Одесса и провинція освѣщались коноплянымъ масломъ. Фонарщики тушившіе утромъ фонари, убивали ихъ оффиціо собакъ. Стеариновыя свѣчи были предметомъ роскоши: ихъ жгли въ гостинныхъ; ранѣе для этого употреблялись восковыя свѣчи. Въ парадныхъ комнатахъ и коридорахъ горѣли кинкеты (аргантовы лампы), остальные лампы съ деревяннымъ масломъ требовали заводки. Вообще же преобладали сальныя свѣчи, нуждавшіяся въ постоянномъ сниманіи нагара. Желѣзные щипцы для этого лежали повсюду. Сниманіе нагара пальцами считалось признакомъ *mauvais genre'a*.

Фотографія еще не была изобрѣтена. У кого не было средствъ снимать съ себя портреты масляными красками или акварелью, тѣ обмѣнивались сидутами, вырѣзанными на черной бумагѣ. Въ началѣ 50-хъ годовъ распространились уже дагеротипы, гдѣ фигура ваша представлялась наизворотъ, гдѣ, смотря прямо, вы видѣли только себя какъ бы въ зеркало, а чтобы увидѣть дагеротипное изображеніе, надобно было смотрѣть сбоку и не противъ свѣта.

За отсутствіемъ фотографій въ ходу были «сувениры» изъ волосъ и разныхъ вышивокъ; барышни и горничныя проводили огромную часть времени за пяльцами. Иногда предпринимались огромныя совмѣстныя работы по вышиванію, напр. стѣнного ковра, гдѣ сразу участвовало много барышень. Молодые люди присоединялись добровольцами къ подобнымъ работамъ. Я не только кадетомъ, но и офицеромъ помогалъ вышивать фонъ, получая строгіе выговоры за неряшливость крестиковъ и спутываніе гарусныхъ клубковъ. Помогать хорошенькимъ барышнямъ разматывать эти клубки составляло даже привилегію избранныхъ. Женщины среднихъ лѣтъ и старухи вязали. Вязаніе чулокъ было страшно распространено, потому что тогда всѣ носили домашнія чулки и носки.

Театръ и тогда очень любили; въ модѣ была итальянская опера: Россини, Беллини, Доницетти, Верди, немного МеркадANTE; изъ русской музыки признавались романсы и цыганскія пѣсни. Въ ходу было чтеніе—иначе нине и не спали какъ подъ чтеніе.

Читали особенно Дюма-отца, Евгенія Сю, Диккенса, Теккерея и Жоржъ-Занда въ переводахъ. Изъ русскихъ писателей я постепенно помню успѣхъ Гоголя, «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, первыхъ повѣстей Писемскаго, «Записокъ Охотника» Тургенева, стиховъ Фета; въ Крымскую войну вошелъ въ моду Толстой. Марлинскій, Кукольникъ, Булгаринъ, Основьяненко уже въ то время презирались. Если читали по-русски, то разговаривали между собою болѣе по-французски, особенно женщины.

Книжныхъ магазиновъ и тогда было не мало, иностранныхъ книгъ даже какъ будто болѣе нынѣшняго. У каждаго помѣщика непременно была библіотека; много было книгъ рукописныхъ. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ я не видѣлъ «Горе отъ ума» иначе какъ въ рукописи. Газеты имѣли гораздо менѣе значенія. До Крымской войны читать можно было только «Сѣверную Пчелу». Во время войны «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Русскій Инвалидъ» улучшились въ содержаніи, но каждый давалъ матеріала для чтенія не болѣе какъ на одну страницу нынѣшнихъ газетъ. Провинціальныя газеты, какъ «Одесскій Вѣстникъ», давали еще менѣе для чтенія. Изъ иностранныхъ газетъ въ ходу болѣе всего были «Indépendance Belge» и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»—органъ Меттерниха. Къ остальнымъ русская цензура относилась весьма косо. А тогда было болѣе десяти разныхъ цензуръ и сочиненія самихъ цензоровъ цензуровались очень придирчиво товарищами по цензурному комитету. Само собою, все печаталось въ ручную и скоропечатныхъ машинъ, а тѣмъ болѣе стереотиповъ не было. При изданіи книгъ на нихъ объявлялась подписка и списокъ подписчиковъ печатался при книгѣ. Газетную подписку тоже собирали всякимъ путемъ, чуть не Христа ради.

Стальные перья уже были изобрѣтены, но предпочитали писать гусиными. Очинка перьевъ была своего рода искусствомъ, и многіе чиновники сдѣлали карьеру умѣніемъ чинить перья «по рукѣ» своихъ начальниковъ. Въ гимназій чинилъ намъ перья учитель чистописанія и, подавая очиненное перо, говорилъ съ гордостью: «Такимъ перомъ не писалъ самъ король неаполитанскій!»

Написанное засыпалось пескомъ. Готовыхъ конвертовъ не знали; письма, если имѣли чистую послѣднюю страничку, складывались, и на этой же страницѣ писали адресъ, чаще большими